

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

**АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ 65**
ХРОНИКИ

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи - 65

Серия «Адмирал Империи», книга 65

<https://litres.ru/74181254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из дневника адмирала Василькова А.И. — командующего русского экспедиционного корпуса:

Запись 469: «Сегодня стёр с карты сектора три обитаемых мира. Население – 6 миллионов человек. Потери флота – приемлемые...»

Запись 2013: «Мятеж в 22-ой «гренадерской» подавлен. Казнено более 3000 офицеров и нижних чинов дивизии. Среди них – мои однокурсники...»

Запись 55298: «Война с Конфедерацией завершена. Наши потери – 60% личного состава. Победа. Мне присвоили еще одну Золотую звезду. Она пахнет кровью...»

Согласитесь, но очень похоже на мемуары героя. Больше на сухие строчки военных донесений, за которыми – выжженные планеты и погибшие флоты. Это правда о том, как делается история экспансии. Без патетики. Без оправданий. Без жалости.

Каждая запись – еще один шаг к трону... или к эшафоту.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи - 65

Глава 1

Звёздная система «Новая Москва», 22 августа 2215 года.

У безвыходного положения есть одна недооценённая прелесть: оно избавляет от мук выбора. Когда вариантов сотня, штабы спорят до хрипоты; когда вариант один, остаётся лишь разглядеть, где он затаился. Я смотрел на тактическую проекцию, где три красных потока неторопливо стягивались вокруг наших вымпелов, и искал вовсе не спасение — спасения на этой карте не значилось. Я искал ошибку Суровцева. За годы нашего соперничества я твёрдо усвоил: Валериан Николаевич, планируя триумф, перестаёт думать о мелочах. А мелочи на войне имеют скверную привычку становиться главным.

Признаюсь честно: после провала с Должинковым внутри у меня всё ещё сидела ледяная заноза. Час назад я поставил судьбу флота императора на порядочность одного человека — и проиграл, не сделав ни единого выстрела. Хромцова была права по всем пунктам, и оттого её правота жгла только сильнее. Но жалеть себя на войне — роскошь для мемуаров.

Мемуары я планировал писать лет через сорок, а значит, следовало срочно придумать, как до них дожить.

И я нашёл его ошибку.

Далеко позади атакующего «конуса» Валериана, у самой кромки сектора, лениво дрейфовала россыпь жирных, неповоротливых отметок. Суда-генераторы. Плюс — танкеры с интарием. Всё то, без чего его грозная армада в считанные дни превращалась в стадо консервных банок, неспособных ни уйти в подпространство, ни толком набрать ход. Я дважды перегнал данные сканеров, не веря глазам. Охранение — два эсминца. Два! Суровцев был настолько уверен в сегодняшней победе, что даже не приставил к собственному кошельку нормального сторожа.

— Аристарх Петрович, — окликнул я старпома, чувствуя, как сквозь усталость и злость на самого себя пробивается холодный, злой азарт, — прокладывайте курс. Промежуток между построением Суровцева и дивизией этого, как его... Сухомлинова. Дальше — к тыловым транспортам противника. Идём парой: «Афина» и «2525».

Жила поднял голову от пульта. Пару секунд кавторанг изучал моё лицо — так корабельный врач смотрит на пациента, прикидывая, жар у того или вдохновение. Потом молча кивнул, и его пальцы забегали по сенсорам. За это я и ценю своего старпома: любой другой первым делом спросил бы, всё ли у меня в порядке с головой, а этот сразу начал считать траекторию.

— Айк, — вызвал я «2525-й», — пристраивайся в кильватер и держись вплотную. Что бы ни происходило — не отставать и не геройствовать.

— Понял, Александр Иванович! — отозвался Пападакис с энтузиазмом, который меня слегка насторожил. — Дед мой говорил: не знаешь, куда бежать, — беги за тем, кто знает.

— Мудрый был человек твой дед. Конец связи.

Оставалась Хромцова. Я переключился на закрытый канал «Паллады» и, когда в окне связи возникло её лицо, произнёс без предисловий:

— Агриппина Ивановна, мне нужно, чтобы вы меня прикрыли.

— Прикрыть? — В голосе вице-адмирала лязгнул металл. — Что значит «прикрыть», контр-адмирал? Куда это вы собрались?

— Вывожу «Афину» и крейсер Пападакиса из общего построения и уйду в разрыв между Суровцевым и тихоокеанцами. Прямо сейчас, пока «клещи» не сомкнулись.

Несколько мгновений вице-адмирал молчала, и я наблюдал, как меняется её лицо. Сначала недоумение. Потом понимание — то, неправильное. Уголок рта со шрамом пополз вниз, стальные глаза сузились.

— Бежите, значит, господин Васильков, — уронила Хромцова, и каждое слово падало тяжело, как плита нимидиевой брони. — Заварили кашу и уходите первым. Признаться, я ожидала от вас чего угодно, Александр Иванович,

но такого...

— Агриппина Ивановна, посмотрите на карту, — перебил я, стараясь не обижаться. В конце концов, после моего провала с Никитой Должинковым она имела право думать обо мне что угодно. — Да, не на меня — на карту. Дальний край сектора, за спиной у «конуса» Суровцева.

Пауза. Её взгляд скользнул куда-то вбок, к тактической проекции. Брови сдвинулись, жёсткая складка у шрама дрогнула... И тут вице-адмирал Хромцова улыбнулась. Редкое зрелище, доложу я вам. И судя по характеру этой улыбки, двум эсминцам охраны она не сулила ровным счётом ничего хорошего.

— Суда-генераторы, — проговорила она совсем другим голосом. — И танкеры. Этот индюк оставил их практически голыми. Вы идёте за его топливом, Александр Иванович? Захватить или сжечь? Что задумали?

— По обстоятельствам, — уклончиво ответил я. — Без интария и «китов» вся эта армада намертво застрянет в столбичной системе. И тогда уже не мы, а Валериан Николаевич начнёт нервно считать часы. Но мне нужен коридор, Агриппина Ивановна. Двум кораблям не проскользнуть между двумя эскадрами, если все сканеры сектора смотрят на них. Заставьте противника смотреть на вас.

— Будет вам коридор. — Хромцова уже не улыбалась: она работала. — Внимание всем кораблям группы! Разбить строй! «Полтава», «Севастополь», «Князь Таврический» —

расходящиеся векторы к флангу тихоокеанцев, имитируем атакующий разворот! Остальным — перестроение уступом, темп максимальный! Пусть у их новоявленного командующего в глазах зарядит!

И у него зарядило, я уверен. Наша сжатая в плотный кулак цепь брызнула во все стороны, как стая рыб, в середину которой нырнул хищник. Израненные линкоры и крейсера, которым по-хорошему полагалось стоять в ремонтных доках, закладывали такие виражи, что у меня ныли зубы от одного взгляда на векторы. Корабли расходились на считанных километрах, резали друг другу курсы, ломали всякую логику построения. Со стороны это выглядело либо как паника, либо как подготовка к отчаянной атаке. Понимай как знаешь — в этом и заключалась вся соль.

Сухомлинов понял по-своему. И ровно так, как требовалось нам.

— Восьмая «линейная» гасит ход! — доложил Жила, и в его голосе прорезалось что-то подозрительно похожее на удовольствие. — Головные корабли снижают скорость... Левое крыло дуги отходит назад! Отводят фланг, Александр Иванович. Испугались удара по краю построения.

Ещё бы не испугаться. Эскадра, которой положено покорно ждать избиения, вдруг разлетается веером, и полтора десятка отметок несутся непонятно куда с непонятными намерениями. Каперанг, только вчера получивший под командование целую дивизию, в такой ситуации делает единствен-

ное, чему его учили: подбирает крылья и ждёт прояснения обстановки. На его месте так поступил бы любой добросовестный служака. В этом и беда добросовестных служак — они предсказуемы.

Пока Сухомлинов ждал, мы работали. «Афина» и «2525-й», прикрытые этой рукотворной метелью, выскользнули из общей свалки и на полном «форсаже» ушли в разрыв между двумя вражескими группировками. Маршевые двигатели «Афины» гудели на пределе, и этот гул отдавался в переборках мостика мелкой зудящей дрожью. В рубке никто не разговаривал: даже операторы, в обычное время перебрасывающиеся дежурными фразами, работали молча. Пападакис в кильватере держался так близко, что при желании я мог бы пересчитать орудийные порты на его носовой надстройке. Я сидел, вцепившись в подлокотники, и следил, как расползаются по краям проекции две красные стены: справа — «золотые» крейсера Суровцева, увлечённые артиллерийской дуэлью с фортами, слева — застывшая в нерешительности дуга тихоокеанцев. Между ними лежала полоса мёртвого пространства. По меркам космического боя — игольное ушко. Мы прошли его на цыпочках, если это выражение вообще применимо к линкору, несущемуся на двадцати с лишним единицах хода.

Никто не выстрелил нам вслед. Никто даже не потрудился развернуть орудия.

— Чисто, — выдохнул Жила спустя четверть часа, стоим-

шие мне нескольких седых волос. — Вышли из зоны эффективного огня обеих группировок. До тыловых транспортов — четыреста тысяч. Идём на сближение.

Теперь их было видно и без сканеров дальнего обнаружения. На обзорном экране медленно росли туши судов-генераторов — округлые, горбатые, с кольцевыми надстройками излучателей, за которые весь флот от юнги до адмирала зовёт их «китами». Рядом паслись танкеры, и в их флегматичной неподвижности читалась святая уверенность экипажей: война — это где-то там, у планеты, а здесь глубокий и безопасный тыл. Где-то внутри этих неповоротливых корпусов вахтенные сейчас пили чай, ругали интендантов и писали письма домой — обычные люди, которым очень скоро предстояло узнать, что глубокого тыла в гражданской войне не бывает. Чуть в стороне болтались два эсминца охранения.

Хозяйство Суровцева лежало перед нами целёхонькое и беззащитное, как продовольственный склад, который интендант забыл запереть на ночь.

— Дистанция двести тысяч, — доложил старпом. — Входим в зону действия главного калибра. Эсминцы нас заметили. Маневрируют... расходятся в стороны, прикрывая транспорты. Орудия наведены на нас.

— Смелые ребята, — хмыкнул я. — Или наивные. Что, в общем-то, на войне одно и то же. Открытый канал, Аристарх Петрович. Поговорим, прежде чем стрелять.

Экран мигнул, и передо мной возникли два окна свя-

зи. Командиры эсминцев оказались молодыми капитан-лейтенантами — из тех, кого ставят охранять тыловые обозы именно потому, что до линейного боя они пока не доросли. Оба старательно держали каменные лица, и у обоих получалось так себе.

— Господа офицеры, — начал я, — контр-адмирал Васильков, военно-космические силы его величества императора Ивана Константиновича. Не стану тратить ни ваше время, ни своё. Расклад вы видите на собственных сканерах: у вас два эсминец, у меня — линкор и крейсер. Приказываю отвести корабли на пятьдесят тысяч километров от охраняемого ордера и не предпринимать никаких действий. В этом случае даю слово: ни один человек из ваших экипажей не пострадает. Помощь не придёт — вашему командующему сейчас, уж поверьте, не до вас.

Капитан-лейтенанты переглянулись через разделявшую их пустоту эфира. Старший из двоих, с обветренным лицом и упрямой складкой у рта, подался к камере:

— Господин контр-адмирал, у нас приказ вице-адмирала Суровцева: охранять конвой. Приказы командующего мы не обсуждаем. Рекомендую вам покинуть квадрат до подхода наших главных сил.

Второй закивал так энергично, что едва не потерял каменное выражение лица. Эти двое искренне верили: надо продержаться минут двадцать, и их отважный Валериан Николаевич примчится на выручку со всей армадой. Святая ве-

ра младшего офицера в то, что начальство своих не бросает. Мне даже стало их немного жаль — разубеждать молодёжь в подобных иллюзиях занятие неблагодарное, но на войне, увы, неизбежное.

— Что ж, — сказал я, — моё предложение вы слышали. Оно было первым и последним.

Я отключил канал и повернулся к старпому. Жила уже смотрел на меня, и по его глазам было ясно: расчёт упреждения готов.

— Аристарх Петрович, спарку главного калибра — к бою. Цель — эсминцы охранения.

— Есть цель.

— Огонь!

Глава 2

Вызов с «Новороссийска» обрушился на мостик «Владивостока» без предупреждения и без приветствия. Каперанг Сухомлинов ещё разглядывал две зелёные отметки, наискось уходившие к тыловым транспортам флота, когда главный экран вспыхнул и с него хлынуло:

— Сухомлинов! Ты видишь, что творится у тебя за спиной?! Васильков прорвался к танкерам! К судам-генераторам, каперанг, к топливу всего флота! Я намертво связан боем с фортами и не сниму отсюда ни единого вымпела! Ты ближе всех. Отряди корабли и прикрой конвой. Выполнять немедленно!

Лицо вице-адмирала Суровцева на экране пошло багровыми пятнами, голос срывался с командного рыка на что-то, неприятно похожее на панику. За его креслом мелькали силуэты операторов «Новороссийска», и мостик флага на ощутимо вздрагивал от собственных залпов.

— Есть отрядить корабли и прикрыть конвой, — ответил Сухомлинов ровно, как отвечал начальству пятнадцать лет подряд.

Связь оборвалась. Вместе с ней закончилась и ровность.

Каперанг перевёл взгляд на тактическую проекцию, и проекция ему не понравилась. Семнадцать вымпелов вице-адмирала Хромцовой продолжали свой непонятный та-

нец: расходились веером, сходились, разгонялись и гасили ход без малейшей видимой системы. Разведсводка, полученная ещё перед активной фазой боя, утверждала, что эти корабли едва живы: защитные поля на остаточных процентах, добрая половина орудий молчит, у половины наспех заваренные пробоины по бортам. Каперанг Сухомлинов читал ту сводку дважды и помнил её почти наизусть. Но сводка лежала в планшете, а семнадцать разогнавшихся выпелов — вот они, на экране, и вектор их манёвра через раз упирался в левое крыло его дуги.

Двое суток назад он командовал одним единственным линкором. Свой корабль он знал до последней заклёпки: каждый расчёт, каждую переборку, каждого из полутора тысяч человек экипажа. Потом контр-адмирала Должинкова увели под конвоем, и вице-адмирал Суровцев коротко бросил: «Примешь восьмую дивизию». Теперь под его началом находилось тридцать с лишним выпелов, и каждый ждал приказов — тех самых, которые командиру корабля никогда в жизни не приходилось отдавать.

Решение лежало на поверхности, и Сухомлинов его видел: отрядить треть эскадры на перехват двух прорвавшихся кораблей, остальными держать строй против Хромцовой. Десять выпелов против линкора и лёгкого крейсера — арифметика, не требующая академии Генштаба ВКС. Он даже набрал воздуха, чтобы продиктовать состав группы.

И не продиктовал.

Если Хромцова ударит в момент перестроения — а её корабли как раз заканчивали очередной непостижимый разворот, — ослабленная дуга посыплется. Разведсводки ошибаются; у страха, что они ошибаются именно сегодня, глаза особенно велики. Командующий за такое не помилует. Командующий только что арестовал человека, который командовал этой дивизией много лет.

— Ваши распоряжения? — негромко напомнил начальник штаба, немолодой капитан второго ранга, всё это время терпеливо стоявший у командирского кресла.

— Всем кораблям дивизии, — Сухомлинов услышал собственный голос будто со стороны. — Отход крыла прекратить. Общее перестроение в плотную «фалангу», перекрытие защитных полей, стволы на эскадру противника. Ждём её атаки и встречаем всеми силами.

Старпом на мгновение задержал на нём взгляд — короткий, аккуратный, без единого лишнего миллиметра, — и пошёл транслировать приказ. Тридцать с лишним вымпелов начали медленно стягиваться в монолит, красивый, как строевой смотр. Против семнадцати калек это была неприступная крепость. Против двух кораблей, уходивших к танкерам на другом краю сектора, — сооружение, бесполезное настолько, насколько вообще бывает бесполезной военная сила, стоящая не там.

Устав знает ответы на многие вопросы, но на вопрос, чем командир эскадры отличается от командира корабля, отве-

чает только время. Командир корабля бережёт корабль. Командиру эскадры иногда положено тратить корабли, чтобы не потерять сражение. Сухомлинов пока умел лишь беречь — и берёг, добросовестно, всеми тридцатью вымпелами сразу. О том, что потерять можно и время, ни один устав его не предупредил...

А в паре миллионов километров от его образцовой «фаланги» это время исправно капало в мою копилку.

Спарка главного калибра «Афины» рывкнула дуплетом. Два плазменных сгустка прошли в сотне километров перед форштевнями эсминцев и ушли в пустоту — на дистанции прямого выстрела так не промахиваются, и любой артиллерист этого не может не понимать. Я и хотел, чтобы поняли. Сжигать двух мальчишек вместе с экипажами за верность присяге, пусть и не той, мне не хотелось совершенно: в этой войне и без того хватало покойников с обеих сторон.

— Повторить, — сказал я. — Ближе.

Второй дуплет лёг вдвое ближе, и отсветы плазмы прокатились по энергощиту головного эсминца, на мгновение высветив его от носа до кормы. Следом коротко отработал своим главным калибром «2525-й» — Пападакис, как всегда, не удержался, чтобы не добавить от себя лично. После этого эфир молчал секунд десять.

— Вызывают, Александр Иванович, — доложил Жила.

На экране снова возникли оба капитан-лейтенанта. Старший, тот самый, с упрямой складкой у рта, выглядел так,

словно заминувшие десять минут постарел на пару званий.

— Господин контр-адмирал — он запнулся, но договорил: — Если мы отведём корабли, какие гарантии, что по нам не откроют огонь на отходе?

— Слова офицера вам достаточно? — спросил я. — Порядок следующий, капитан-лейтенант. Деактивируете защитные поля. Разряжаете орудия — все, включая зенитные турели. Отходите на пятьдесят тысяч километров и ложитесь в дрейф. После этого вы перестаёте существовать для меня, а я — для вас. Наилучший исход из всех возможных, уж поверьте: я сегодня редкостно щедр.

Молодые командиры переглянулись через пустоту эфира в последний раз. Помощь не шла. Сканеры говорили им то же, что и мне: дивизия Сухомлинова, их единственная надежда, зачем-то сбивалась в плотный строй на другом конце сектора и не двигалась с места. Погибать двумя эсминцами против линкора, прикрывая топливо командующего, который о них попросту забыл, — на такую глупость молодость не соглашается даже под страхом трибунала.

— Принято, господин контр-адмирал. Выполняем.

Отметки эсминцев дрогнули и поползли прочь от конвоя. Именно поползли: с заглушёнными орудиями и опущенными полями корабль уходит, как побитая собака со двора, — боком, оглядываясь и поджав всё, что можно поджать. Через четверть часа оба легли в дрейф далеко за пределами опасной зоны, и я вычеркнул их из списка своих сегодняшних

забот.

Дальше началась работа, о которой не пишут в героических хрониках. «Афина» и «2525-й» встали над конвоем, взяв под прицел «китов» и танкеры; я приказал экипажам судов заглушить двигатели и не делать резких движений. Подчинились они с готовностью людей, которым за этот рейс платили как за тыловой, а умирать в контракте не значилось. Командир судна поддержки отличается от командира боевого корабля тем, что умеет считать, и задачу «линкор против танкера» решает в уме мгновенно. Возражений не поступило ни одного. Топливо всей армады Суровцева, все его прыжковые мощности, весь запас хода его непобедимого флота — всё это теперь дрейфовало под прицелами моих орудий и подчинялось моим приказам.

— Канал на «Палладу», — распорядился я, откидываясь в кресле и впервые за последние часы позволяя себе длинный выдох. — Агриппина Ивановна, охранение отогнано без единой потери. Конвой под нашим контролем.

— Вижу, контр-адмирал, — в голосе Хромцовой послышалось что-то подозрительно похожее на мурлыканье. — Побудьте на связи. Сейчас я сделаю то, чего мне хотелось с самого начала этого манёвра.

— А именно?

— Позвоню каперангу Сухомлинову. Невежливо оставлять человека в неведении: он так старательно строил свою оборонительную «фалангу».

Вызов по открытому каналу настиг Сухомлинова в ту минуту, когда перестроение восьмой дивизии наконец завершилось и он позволил себе осторожно поверить, что худшее позади. На главном экране «Владивостока» возникла немолодая женщина с жёстким лицом и шрамом от уголка губ к подбородку. Вице-адмирал Хромцова смотрела на каперанга с выражением, которого не предусматривает ни один устав.

— Каперанг, — сказала она вместо приветствия, — примите поздравления. Ваша «фаланга» безупречна. Плотность, перекрытие полей, равнение — хоть сейчас в учебник тактики, в главу об оборонительных построениях. Одна незадача: атаковать вас никто и не собирался.

— Если вы рассчитываете вывести меня из равновесия, госпожа вице-адмирал, у вас не выйдет, — Сухомлинов держал голос ровным, и это стоило ему больше, чем весь минувший день. — Хотите проверить моё построение на прочность — милости прошу. Атакуйте. Мои тридцать вымпелов готовы к бою. Ваши семнадцать лягут здесь все до единого, и вы это знаете.

— Знаю, — легко согласилась Хромцова. — Потому и не собиралась. Дорогуша, чем мне вас атаковать? У моих кораблей полей на четверть штатной мощности, орудий — и того меньше, два вымпела едва держат ход. Об этом вам известно из докладов не хуже моего. Всё это время я изображала подготовку к атаке. Вы — готовились её отражать. Вся разница между нами в том, что я знала, что мы оба играем.

Сухомлинов открыл рот и закрыл его, так как ему нечего было на это ответить. Взгляд каперанга сам собой пошёл по тактической проекции, и разрозненные отметки наконец сложились в одну картину. Семнадцать избитых кораблей, почти полчаса гонявших его страхи по всему сектору. Идеальная «фаланга» тихоокеанцев, наведённая на противника, у которого не нашлось бы и десятка исправных стволов. Две зелёные точки на дальнем краю — практически верхом на танкерах и судах-генераторах всего флота. И собственные эсминцы охранения, дрейфующие в стороне с погашенными полями, как два поплавка после сорвавшейся рыбы.

— Впрочем, не казните себя, каперанг, — Хромцова чуть подалась к камере, и издёвка в её голосе напоследок сделалась почти ласковой. — Оборону вы построили грамотно. Беда лишь в том, что оборонялись вы от меня, а воевал с вами — он. Привыкайте, с Васильковым это обычное дело. Конец связи.

Экран погас. На мостике «Владивостока» никто не проронил ни слова; старший помощник с чрезвычайным вниманием разглядывал что-то в своём планшете. Сухомлинов сидел неподвижно и смотрел на проекцию, где каждый корабль стоял на своём месте и всё вместе являлось проигрышем.

Его переиграли задолго до первого выстрела...

Глава 3

Двенадцать призов — четыре судна-генератора и восемь танкеров — это двенадцать капитанов, и каждому следовало объяснить его ближайшее будущее: быстро, доходчиво и желательно без стрельбы. Четверых я взял на себя. Остальных восьмерых отдал Пападакису и уже через минуту убедился, что распределил роли правильно.

— Танкер, третий в порядке! Да-да, ты, красавец! — гремел Айк в общем канале так, что мембраны динамиков на моём мостике жалобно похрустывали. — Я вижу твой реактор! Каждый градус разогрева вижу! Ещё пол-оборота маршевых — и я сниму тебе корму по самую надстройку! У меня главный калибр с утра скучает, а скучающий грек страшнее стреляющего!

На тактической карте отметка танкера, за секунду до этого начавшая едва заметно выползать из ордера, замерла, подумала и виновато вползла обратно.

— То-то же, — сменил Айк гнев на милость. — Стоишь, дышишь, телеметрию держишь открытой. И не зли меня: у меня плохая наследственность.

Айк Пападакис был в своей стихии. За следующие десять минут он пообещал расстрелять три танкера целиком, два капитанских мостика отдельно от танкеров, одного старпома отдельно от мостика и чью-то оранжерею в жилом отсеке

— с особым, подчёркнутым цинизмом. Ни одного выстрела при этом не прозвучало, и я знал, что не прозвучит: Айк скорее позволил бы отпилить себе руку, чем сжёг гражданское судно вместе с экипажем. Однако капитанам конвоя об этом знать было неоткуда. Капитаны слышали хриплый бас, в котором хлопотала неподдельная эллинская ярость, видели за этим басом лёгкий крейсер с «расчехлёнными» орудиями — и верили сразу, целиком и всерьёз.

Особенно Айку удался разговор со старпомом одного из «китов», рискнувшим заикнуться о конвенциях о защите гражданских судов. Айк выслушал его молча — целых пять секунд, что по меркам Пападакиса равнялось часу глубокой медитации, после чего с чувством сообщил, что конвенции он глубоко уважает, чтит и держит в рубке на почётной полке. Рядом с ними, добавил он, находится пульт управления его орудийными батареями, и к чем потянется его рука, зависит исключительно от поведения собеседника. Старпом больше в эфире не появлялся.

— Как говорил мой дед, — Айк переключился на закрытый канал, и голос его мгновенно опустился до нормального, почти домашнего, — хороший крик экономит плазму. Дед, правда, кричал на деметрийских коз, но принцип универсальный.

— На коз, значит.

— Деметрийский козы, Александр Иванович, — самые недисциплинированные существа во Вселенной. Сразу по-

сле капитанов торгового флота. Возвращаюсь к работе.

И общий канал снова наполнился громом.

Я тем временем занимался скучной половиной дела. Все трофейные суда оставались под управлением собственных экипажей: высаживать призовые партии мне было нечем и незачем, поэтому каждый капитан получил короткую инструкцию — держать позицию, держать телеметрию открытой и не проявлять инициативы. Инициатива, как я объяснил, единственный товар, за который сегодня расплачиваются на месте.

Капитан головного судна-генератора вышел на связь последним. Немолодой, грузный, с лицом человека, которого жизнь повозила по всем торговым трассам сектора. Прежде чем заговорить, он снял фуражку и медленно вытер платком совершенно сухой лоб.

— Господин контр-адмирал, экипажи у нас гражданские, — произнёс он наконец. — Контракт на перевозку, а не на войну. Сопротивления не будет.

— Не сомневаюсь. Взамен мне нужна сущая мелочь: грузовые декларации и честные ответы.

Ответы того стоили. Телеметрия трюмов легла на мой экран аккуратными столбцами, и столбцы рассказали больше, чем рассказал бы любой пленный штабной офицер. Шесть танкеров были полны под пробки — интария в них плескалось столько, что хватило бы прогнать целый флот через половину национального сектора Империи. Два остав-

шихся шли полупустыми: их содержимое армада Суровцева уже выпила, прыгая сюда через две звёздные системы сразу.

А дальше начались подробности, ради которых я и затевал этот разговор.

— Откуда топливо, капитан? Имперские склады в «Сураже» стоят пустыми не первый день.

Капитан помялся ровно две секунды.

— Сами, наверное, уже знаете... с фортов, господин контр-адмирал. Перекачивали прямо на месте с бака каждой крепости. Приказ командующего: форты осушили до технического минимума.

Вот оно. Я откинулся в кресле и почувствовал, как между лопаток медленно распускается узел, о существовании которого я до этой секунды не подозревал. Значит, я оказался прав. Суровцев добыл топливо для своего броска единственным доступным способом — слил его с крепостей Константинова Вала, оставив их с сухими баками. Решение красивое, смелое и совершенно самоубийственное, если кто-нибудь посторонний доберётся до этого топлива раньше, чем оно вернётся в его корабли. Посторонний, к слову, уже добрался и даже успел оформить приз.

Я прикинул расклад ещё раз, теперь уже цифрами. Без этих танкеров у армады Суровцева оставалось интария на манёвры внутри системы — и ни на один подпространственный прыжок. Ни обратно, ни за подкреплением, ни вдогонку за нами. Восемь танкеров и четыре «кита» превращали его

грозную армаду в самый большой в секторе неподвижный гарнизон. Воевать можно числом, умением, отчаянием — но ещё никто не научился воевать без горячего.

— Что ещё осталось в «Сураже»?

— Девять вымпелов, господин контр-адмирал. На ремонте у центральной планеты, возле доков.

Девять кораблей в доках Суража-4 — это не резерв, это очередь в лазарет. Я поблагодарил капитана с искренностью, которая напугала его сильнее всех угроз Пападакиса, и закрыл канал.

Теперь к тактической карте. За двадцать минут, прошедшие с момента, когда «Афина» и «2525-й» покинули ордер Хромцовой и оседлали конвой, сектор успел перемениться, и я неторопливо, с удовольствием просмотрел его заново.

Агриппина Ивановна доиграла свою партию до конца и вышла из-за стола. Её гордые подранки, так и не сделав по дивизии Сухомлинова ни единого выстрела, вернулись на прежние координаты и сжались там до предела — корабль к кораблю, борт к борту, настолько плотно, что отметки на карте сливались в одно зелёное пятно. Мгновение назад она изображала нападение, не имея сил напасть; теперь готовилась к обороне и делала это уже без всякого театра. Дышащая на ладан эскадра, вставшая в глухую защиту, выглядит жалкой ровно до той минуты, пока не вспомнишь, что эта эскадра только что парализовала втрое превосходящие силы, не потратив ни единого заряда.

А на противоположном краю карты, у фортов, шла война без ультиматумов и спектаклей — настоящая, с огнём и разменом.

На мостике «Елизаветы Первой» уже полчаса никто не садился. Контр-адмирал Зимина стояла у тактического стола, и со стороны могло показаться, что золотые крейсера Суровцева она разглядывает с чисто академическим интересом. Выдавали её только руки: маленькая ладонь лежала на поручне стола, и костяшки на ней давно побелели.

«Золотые» шли красиво — этого у гвардии Суровцева не отнять. Пятьдесят фортов обороняющихся встретили их стационарными орудиями с самого начала сближения, и защитные поля крейсеров таяли на глазах: семьдесят процентов, пятьдесят, тридцать. Любой осторожный командующий давно отвернул бы. Суровцев не отворачивал — он тратил мощности полей, как тратят деньги в последний день отпуска, и с каждой минутой становилось очевиднее, что размен у него просчитан заранее.

На рубеже в тысячу километров выяснилось, чем именно он собирался платить.

Крейсера дали залп гиперракетами — слитно, всей линией, одним движением. Целили не в орудийные палубы. Целили в трансляторы защитных полей, и залпы ложились чисто: по всей дуге обороны трансляторы выгорали один за другим, оставляя форты голыми. Вместе с фортами без прикрытия осталась и дивизия Зиминной, до этой минуты стоявшая под

их общим зонтиком. Собственных полей Суровцеву хватило ровно на то, чтобы преодолеть простреливаемую дистанцию: к рубежу его корабли вышли почти обнажёнными, но вышли.

Ещё перед навалом Суровцева на этот случай у Настасьи Николаевны был заготовлен приказ: сближение и таранная атака. Приказ стоял в боевом планшете первым в списке, и все десять командиров её дивизии знали его наизусть. Таран — оружие обречённых, и готовила его Зимина без иллюзий. Но теперь на тактическом столе горели совсем другие цифры. Поля противника: три процента. Два. Ноль.

Зимина медленно разжала пальцы, сняла ладонь с поручня и выпрямилась.

— Таран отменяю, — голос у неё был негромкий, почти домашний; от такого голоса на мостиках вытягиваются лучше, чем от командирского рыка. — У противника нет полей. Таранить корабль, который можно расстрелять, — расточительство. Дивизии разделиться на две ударные группы согласно боевому расписанию. Каждая группа сосредотачивает огонь на одной цели. На одной, господа. К следующей переходим после уничтожения предыдущей. Начали.

Одиннадцать её вымпелов перестроились в две группы, и дальше пошла не битва — пошёл конвейер. Пять-шесть кораблей, бьющих в одну точку, первым же слитным залпом обнуляли остатки поля выбранного крейсера; следующие две-три минуты сосредоточенного огня превращали корабль без защиты в то, во что корабль без защиты превраща-

ется всегда. Первый «золотой» крейсер лопнул по шву реакторного отсека и разошёлся веером обломков. Второй потерял ход вместе с управлением и вывалился из строя слепой, глухой глыбой. Третий продержался дольше всех — почти четыре минуты — и погас. Четвёртый и пятый попытались выйти из-под сосредоточенного огня разворотом — и подставили под залпы корму, самое нежное место любого боевого корабля. Шестой просто перестал отвечать на запросы собственного флагмана.

Суровцев отвечал, и отвечал зло: его крейсера били по фортам, по «Елизавете», по всему, что попадало в прицелы. Но огонь, размазанный по полусотне целей, проигрывал огню, собранному в кулак, — проигрывал сухо, неумолимо, каждую минуту. К исходу первого получаса ближнего боя шесть вымпелов его прославленной гвардейской эскадры были уничтожены или выведены из строя.

За этой методичной, машинной работой я и наблюдал со своего мостика — стоя с захваченным конвоем танкеров на безопасном расстоянии. Тактическая карта бесстрастно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.